

С. И. АНИЧКОВА

БАРОНЕССА ТАУБЕ

ЗАГАДКА

ПЕНИНА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕДАКТОРА

1917–1926

София Аничкова

**Загадка Ленина. Из
воспоминаний редактора**

Издательство «Кучково поле»

1935

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

Аничкова С. И.

Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора / С. И. Аничкова —
Издательство «Кучково поле», 1935

ISBN 978-5-9950-0682-4

Впервые в России публикуются воспоминания С. И. Аничковой (баронессы Таубе), журналистки и писательницы, волею судеб оказавшейся в самом центре общественной и культурной жизни постреволюционной России. Устраивая на фабриках Петрограда, в провинции и у себя на дому литературные вечера, она постоянно общалась не только со своим коммунистическим начальством, сослуживцами и учениками студий – рабочей молодежью, но также с крестьянами, хлынувшими из голодных деревень в строительные артели города. Ее яркие зарисовки картин и настроений пореволюционного быта, получивших отражение в том числе в популярных среди населения советских и антисоветских частушках, анекдотах, стихах, в злободневных экспромтах известных поэтов, передают атмосферу тех лет, позволяют прибавить запоминающиеся штрихи к характеристике советских правителей.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-9950-0682-4

© Аничкова С. И., 1935
© Издательство «Кучково поле», 1935

Содержание

Об авторе	6
От автора	7
I. Пробуждение в новом мире	9
II. Самосуды и настроения	11
III. Первый визит в Смольный	13
IV. Тибетский талисман и нитка жемчуга	16
V. «Террор испытали бы на собственной шкуре»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

София Аничкова
Загадка Ленина. Из
воспоминаний редактора

© ООО «Кучково поле», 2016

* * *

Об авторе

София Ивановна Аничкова (по мужу баронесса Таубе; 1881–1957), поэтесса, писательница, издательница, журналистка, мемуаристка, родилась в Харькове. Получив из-за слабого здоровья «самое поверхностное» образование, восполняла его пробелы чтением. Два года вела унаследованное коммерческое предприятие. Рано увлеклась литературным творчеством. Уже в четырнадцать лет печаталась в журнале «Шут», а в восемнадцать она издала первую книгу – комедию в стихах «Страсть и разум. Супруги» (1906). Эта и другие ее пьесы («Интеллигентная прислуга» и «Союз недовольных») были поставлены в Петербурге и Москве. Затем последовали сборник стихотворений «Три пути» (1907) и книга «Рассказы. Эликсир бессмертия». Первые шаги в литературе были одобрены В. П. Бурениным и Н. Г. Михайловским. Аничкова сотрудничала в газете «Новое время», где появился ее рассказ «Когда смертные станут бессмертными», близкий по замыслу к антиутопии Евгения Замятина «Мы» (рассказ Аничковой был напечатан семью годами ранее замятинского), редактировала журналы «Весь мир» (до 1919), «Алтын», «Сказки жизни» и др. Участвовала в кружке К. Случевского. Была хозяйкой Петербургского литературного салона, где бывали Н. Гумилев, Г. Иванов и др. Ее салон притягивал многих литераторов отчасти и потому, что туда можно было прийти без приглашения в любой день недели. В 1910 году написала книгу «Преступление или безумие? Воспоминания об Андрее Гилевиче». Сотрудничала в изданиях «Свет», «Шут» (1902–1910), «Новое время» (1904–1916), «Ежемесячные сочинения», «Север», «Россия», «Аргус», «Огонек» (1918), «Новые искры», который редактировала в годы Гражданской войны.

Аничкова вышла замуж за балтийского барона, морского офицера Эммануила Николаевича Таубе (1882–1961). Благодаря связям мужа стала поставщицей портретов высочайших особ для российского флота. Весной 1926 года вместе с мужем эмигрировала в Прагу, где Эммануил Таубе работал учителем русского языка в чешских школах. Здесь Аничкова (Таубе) опубликовала поэтический сборник «Бесконечность – без мгновенья» (1928), воспоминания «Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора» (1934); «Счастье человека: Стихи и рассказы» (1930). В 1928 году в Париже издала «Записки молодящейся старухи». В 1940-е годы работала над романом «О чем тоскует мир», оставшимся неопубликованным. Писала письма в стихах. С 1949 года жила в Париже. Оставила воспоминания об адмирале Бирилеве (Морские записки. Нью-Йорк. 1953. Т. 11. № 1\2. С. 42–44). Умерла в Монморанси под Парижем, похоронена на местном кладбище.

От автора

Множество появившихся за последние годы мемуаров, написанных русскими эмигрантами или побывавшими в СССР иностранцами, дали читателям такие яркие картины ужасов революции и ГПУ¹, что говорить об этом – значило бы повторять сказанное.

Мои воспоминания – опубликование которых полностью не представлялось по некоторым соображениям, возможным тотчас по моем прибытии на чужбину, – носят иной характер: с первых встреч моих с представителями советской власти я задалась целью изучить ее природу не по пристрастной оценке идейных врагов и даже не по своим личным наблюдениям, а по ее собственным словам.

Второй моей задачей являлась зарисовка картин и настроений пореволюционного быта, получивших яркое отражение в бесчисленных, популярных среди населения советских, анти-советских и антисемитских частушках, песенках, анекдотах и стихах, а также в злободневных экспромтах известных поэтов.

Ряд счастливых случайностей, позволив мне вращаться среди лиц самых разнообразных общественных кругов и профессий, открыл передо мною в указанном направлении и исключительные возможности.

Революция застала меня председателем общества «Жизнь и этика», сотрудницей газеты «Новое время» и ряда других изданий, редактором самого большого и распространенного в России литературно-художественного еженедельника «Весь мир», который я продолжала вести после переворота в течение двух лет. С 1919 года я редактировала издававшийся в Петрограде рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг² аполитичный художественный журнал «Новые искры», с 1921 года руководила там же литературной и драматической студиями и читала популярно-научные лекции в военных клубах.

Одновременно, желая изучить что-либо отвечающее запросам времени, то есть могущее дать более надежный заработок, чем «буржуазная» литература, я поступила в балетную школу одного из балетмейстеров Императорских театров.

Последнее открыло мне доступ в интимный круг артистического мира, позволив прибавить несколько ценных штрихов к характеристике ищущих там «освежения и отдыха» советских правителей.

Последующие до выезда из России годы я устраивала на фабриках Петрограда, в провинции и у себя на дому литературные вечера, имела постоянное общение не только со своим коммунистическим начальством, сослуживцами и учениками студий – рабочей молодежью, но также с крестьянами, хлынувшими из голодных деревень в строительные артели, в одной из которых работал мой муж, бывший офицер (вскоре после февральского переворота вышел в отставку, но с мест, которые ему удавалось получать в советских учреждениях – рабоче-крестьянской инспекции и других, – хронически увольнялся за происхождение).

Еще не чувствовавшие под собой в те дни твердой почвы и поэтому весьма ценившие оставшуюся на своих постах интеллигенцию, более доступные и откровенные, чем в последующие годы, представители власти так же охотно беседовали со мной не только о моих служебных делах, но и на интересующие меня темы (своих взглядов на происходящее в России и осо-

---

¹ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР было создано в феврале 1922 года в связи с упразднением ВЧК. Возглавил работу нового ведомства государственной безопасности Ф. Э. Держинский. К ГПУ перешли все функции упраздненного ВЧК, за исключением надзора за «соблюдением социалистической законности», для чего в мае 1922 года была создана Прокуратура РСФСР. В ноябре 1923 года, в связи с образованием СССР, ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР, которое действовало до 1934 года.

² Экспедиция заготовления государственных бумаг была основана в Петербурге в 1818 году, занималась выпуском денежных и других государственных знаков, после революции преобразована в предприятие «Гознак».

бенно на террор я не скрывала и своей искренностью отчасти и завоевала доверие тех, с кем мне приходилось говорить о коммунизме), а я, после каждого свидания возможно дословнее записав слышанное, впоследствии передала этот материал за границу при посредстве одного иностранного дипломата.

Свое повествование я начну с февральского переворота и, дабы не повредить оставшимся в России на свободе, в ссылке или в тюрьмах, буду называть лишь имена находящихся ныне за рубежом и умерших, чьи семьи также вне досягаемости большевистской власти.

I. Пробуждение в новом мире

Седьмого февраля 1917 года, около полудня меня разбудил испуганный голос горничной. Накануне у нас состоялся большой литературный вечер, разошлись на заре, и я недоумевала, зачем понадобилось тревожить меня «так рано».

Но горничная, жившая в доме много лет, докладывая, что надо вставать, что в городе началась революция, стала энергично открывать портьеры.

– Страсть что делается! – закончила она. – Говорят господ, особливо офицеров, убивают матросы. Что же теперь с бароном будет? Бежать бы им.

Я вспомнила мимолетные разговоры о революции накануне за ужином, вспомнила, что даже наиболее левый из присутствовавших на вечере писателей Иероним Ясинский³ выразил свои сомнения относительно ее скорого наступления в экспромте:

Как бы из Фета

Дух царит лукавый
Близко и вдали —
Левый или правый
Не видать в пыли.

Дух царит лукавый,
И Азеф вблизи...
Либерал и правый,
Кажется, в связи.

Дух царит лукавый,
Левый – берегись!
Ну-ка, Марков правый,
Крепче навались.

Удивил еще всех сказанным Сергей Городецкий⁴, сборники которого всегда изобиловали патриотическими стихами.

Революция мне не страшна,
Утомлен я бесцветными днями,
А при ней опущусь я до дна
И кровавыми вспыхну огнями.

Но на этом и закончились разговоры о революции. Тому, что в эту ночь мы правили тризну по старому миру, не поверил бы никто.

Чтобы проверить слова горничной, я хотела позвонить мужу на службу, в Новую Голландию⁵, но телефон уже бездействовал, и я вынуждена была послать за справками лакея к знакомым, имевшим непосредственное отношение к военному управлению Петрограда.

---

³ Как известно, впоследствии, первым из писателей примкнул к коммунистам, был торжественно доставлен в Зимний дворец комиссаром народного просвещения Луначарским и назван им «Симеоном Богоприимцем революции». Позже редактировал журнал «Красный огонек», а отыграв свою рекламную роль, был низведен на степень корректора Государственного издательства и, как говорил мне, нуждался даже в продуктах и топливе. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. авт.*

⁴ Играющий и сейчас в Москве видную роль.

⁵ Остров в дельте Невы, первый военный порт России. В годы Первой мировой войны на Новой Голландии располагались

Однако дожидаться известий оттуда мне также не пришлось, потому что мой посланный в пути бесследно исчез, и все предпринятые впоследствии попытки разыскать его, в больничных покойничках – куда свозили убитых, – не привели ни к чему. Его не нашли ни живым ни мертвым.

Одевшись, я поторопилась взглянуть на революцию лично.

День выдался на редкость для Петрограда солнечный и теплый, и хотя со всех сторон доносилась ружейная перестрелка и трещание пулеметов, обслуживаемых засевшими на чердаках городовыми, никак нельзя было представить, что для кого-то эти подхватываемые весенним ветерком звуки несут смерть.

По улицам на украшенных красными флагами грузовиках носились пионеры революции – матросы и бесцельно слонялись, не принимавшие в мятеже активного участия, солдаты с нацепленными на фуражки и в петлицы красными ленточками или просто кусками красной ткани. Особенно запомнился мне молодой солдат егерского полка, на громадной шапке которого виднелась красная бумажная роза, какими принято было в Петрограде украшать пасхальные куличи. Его утрированно-гордый, самодовольный вид еще больше подчеркивал карикатурность украшения, вызывая на лицо невольную улыбку.

Через три дня, когда события успели уже достаточно дезорганизовать жизнь, разослав всех слуг по делам своего общества и журнала, я услышала на черной лестнице звонок и пошла узнать, кто пришел.

– Спасите... спасите... меня ищут, – услышала я прерывающийся шепот за дверьми.

Голос был знакомый, и в нем слышалось такое отчаяние, такая мольба, что я невольно, не рассуждая, открыла дверь, в которую вбежал живший в этом же доме околоточный⁶, не однажды оказывавший мне мелкие деловые услуги.

С искаженным ужасом лицом, пробормотав на ходу: «в доме обыск, меня убьют», он бросился в комнату горничной, куда, закрыв дверь, последовала и я.

Увидав, что он прячется за висящие над сундуком платья, я почти не соображала, что делаю, стала ему помогать, но не успела закончить этого, как на другом конце квартиры, у парадного входа снова раздался звонок. Инстинктивно сообразив, что не открыть – значило бы навлечь на себя подозрение, я впустила звонивших. Их было семеро, и один в солдатской шинели, с револьвером в вытянутой руке, заявил, что они ищут околоточного, и, если он скрыт мной, я разделю его участь.

Выдать искавшего у меня спасения человека, выдать буквально на растерзание, ибо я уже слышала, каким истязаниям подвергались полицейские раньше, чем быть убитыми, у меня не хватило духу, а рассчитывать, что обыск пройдет благополучно, я тоже, конечно, не могла и поэтому, когда часть пришедших направилась к помещению прислуги, считая себя обреченной, осталась на месте, словно прикованная.

Обыск уже давно закончился, появившиеся снова в прихожей люди, сказав мне что-то, ушли, а я все еще продолжала оставаться в состоянии того же столбняка. Потом, поняв наконец, что произошло нечто непредвиденное, бросилась в комнату прислуги, но, к своему великому удивлению, спрятавшегося там околоточного не нашла: по-видимому, сообразив, что оставаться в квартире для него в данный момент опаснее, он бежал по тому же ходу, по которому пришел. Обрадованная, что ему удалось спастись, я направилась в комнаты, где происходил обыск, и... обнаружила исчезновение стоявшей на столе бутылки вина и лежавших возле часов.

Такими трагикомическими событиями началась для меня революция.

различные части и подразделения Балтийского флота, в том числе мощная радиостанция и морская тюрьма.

⁶ Околоточный (околоточный надзиратель) – полицейский чиновник, ведавший околотком, низовой частью полицейского участка, включавшего 3–4 тысячи жителей. Должность околоточного занимали чиновники низшего четырнадцатого класса Табели о рангах.

II. Самосуды и настроения

Первое полугодие, после «февральской» работа моя продолжалась по-прежнему; журнал после краткой заминки, стал выходить аккуратно; члены моего Этического общества собирались ввиду события, у меня на квартире, и, если бы не гремевшая повсюду стрельба и не страшные картины самосудов, нам, еще не пострадавшим, революция не казалась бы особенно грозной.

Но кому пришлось хотя однажды явиться свидетелем этих самочинных расправ черни не только с виноватыми, но и с правыми, у того душа навсегда останется обожженной, тот уже не поверит возможности убить когда-либо в человеке зверя.

Не забыть мне, как озверевшая толпа вела молодого городского к Фонтанке, чтобы утопить его.

Избитый, с окровавленным лицом, на котором даже струящаяся кровь не могла стереть выражение ужаса, он под дикие возгласы своих мучителей срывающимся голосом только выкрикивал:

– Братцы!.. Братцы, не губите... Видит Бог, нету моей вины... Никого не обижал. Братцы!..

Но эти мольбы и предсмертный страх, казалось, еще разжигали ожесточение толпы, и она, отвечая на них побоями и издевательствами, подхватила свою жертву и с улюлюканьем бросила в канал.

Городовой вынырнул, осенил себя крестом, и, вероятно, надеясь, что теперь ему удастся спастись, поплыл, а озлобленная этим еще больше толпа стала бросать в него камнями до тех пор, пока изнемогший, с окровавленной головой, он скрылся под водой.

В другой раз, увлеченной людским потоком, мне пришлось видеть, как утопили в той же Фонтанке юношу-прохожего, приняв его «по ошибке» за бежавшего из соседнего дома вора. Его старания убедить своих палачей, что он не тот, за кого его принимают, и мольбы о пощаде были напрасны.

А когда толпа, расправившись с ним, расходилась, выяснилось, что вор уже пойман и доставлен в комиссариат.

Таковыми картинами изобиловала «бескровная», как называли ее поначалу многие, революция.

И все же она казалась всем явлением временным, и в марте у меня на дому снова состоялся вечер наиболее фешенебельной из петроградских литературных организаций «Кружка имени поэта Случевского»⁷, отличавшихся от предыдущего лишь тем, что на нем значительно больше и уже не в юмористических тонах говорили о «мятеже»⁸. С театра военных действий, где популярность «Всему миру» создал введенный мной отдел «Просьбы с фронта», я продолжала получать от солдат многочисленные письма, содержание которых было разноречиво и иногда представляло интерес для наблюдения за действием агитации на малокультурный мозг.

Так, радиотелеграфист, с которым я вела переписку и который еще недавно прислал мне свои безграмотные, но пламенно патриотические стихи, на этот раз писал:

---

⁷ Литературный кружок, известный также как «Пятница», объединявших петербургских поэтов, поклонников идеи «чистого искусства». Кружок собирался в 1898–1903 годах два раза в месяц по пятницам на квартире поэта К. К. Случевского и после его смерти в 1904 году продолжал свою деятельность до 1917 года.

⁸ Часть произносимых на этих вечерах экспромтов я привожу дальше; альбом, в который они записывались поэтами, большевики хотели впоследствии реквизиовать для литературного отдела Академии наук, но одному из членов кружка удалось сохранить его у себя.

«Вчера у нас был митинг, на котором говорил о капиталистах и народе приезжий оратор и говорил правильно. После этого я стал ленинцем. Вы, наверно, думаете – дурак, а послушали бы его, так тоже поняли бы».

Другой солдат, наоборот, жаловался:

«Кабы хлеба вдоволь, да земли поболее, при царе куда лучше было – порядку больше». Были и забавные письма.

Поместив однажды во «Всемир» во время формирования при Временном правительстве женских батальонов снимок с одного, отправляемого на фронт, я получила от солдат безграмотное укоризненное письмо, в котором они уговаривали меня:

«Не печатать в журнале баб, мешающих воевать сидящим в окопах защитникам отечества, потому бабы вносят в армии такое, что и сказать неудобно, и не так-то выносливы в бою. Надеемся, что не обидите и больше печатать их не будете».

Письмо заканчивалось тридцатью двумя подписями.

На помещенный мною снимок злободневной группы, в которой были Крыленко и Коллонтай, с фронта откликнулись ироническим письмом за двенадцатью подписями офицеры:

«Господин редактор! Увидав в Вашем уважаемом журнале “Весь мир” так много говорящие лица “товарищей” Коллонтай и Крыленко, мы вполне успокоились за судьбы дорогой родины: с такими деятелями она уйдет далеко. Поклонники Ваши, но не их».

Подобных писем я могла бы привести бесчисленное множество.

Однако, разжигая низменные инстинкты народа, агитаторы тогда еще не успели убить в его душе идеалистические понятия, и в хаосе представлений о новых формах жизни были и совсем невинные.

Проводя лето, как обычно, под Петергофом и гуляя однажды в моем саду, я заметила сидящего на скамье неизвестного солдата.

Сад был большой, окруженный высокой решеткой; и до этого, хотя калитка на день не закрывалась на ключ, никому и в голову не приходило врывать в чужие владения.

На обращенный к солдату вопрос, что ему нужно, он спокойно ответил:

– Ничего, товарищ, гуляю, как и вы.

– Но ведь этот сад принадлежит частному лицу, – возразила я, – как же можно было входить сюда без разрешения?

– Сад не может принадлежать никому, потому что он Божий, – очень доброжелательно, но поучительно ответил солдат.

В эти дни, находя момент подходящим, я приступила к давно задуманной мною реорганизации Этического общества, наименовав его, согласно сделанным изменениям, «Новая этика», и 24 октября 1917 года, накануне большевистского переворота, в газетах появилось сообщение о целях организации, в числе которых значилось – «Облегчение нравственных и физических страданий и борьба с жестокостью».

Судя по небывалому количеству полученных мной на этот раз телефонных и письменных запросов заинтересовавшихся обществом лиц, население России в эту пору не чувствовало себя особенно счастливым. Откликнулась не только – как это было до революции – высшая интеллигенция, но и лица самых разнообразных кругов и профессий. Не обошлось и без курьеза: некий, попросивший меня к телефону «товарищ Кольцов» (ныне видный советский журналист), заявив, что крайне интересуется обществом и хотел бы всячески содействовать его успеху, закончил разговор вопросом: «А у вас танцевальные вечера часто будут?»

Но следующий день явился днем октябрьского переворота, и мое общество, как и Россия, было уже обреченным.

III. Первый визит в Смольный

На этот раз недоверие интеллигенции в возможность длительного господства победителей было еще значительнее, чем в дни первой революции, и, когда на стенах домов появились плакаты, извещавшие население Петрограда о новом, возглавляемом Лениным правительстве, никто не сомневался, что власть продержится не более двух дней.

Однако время шло, не принося перемен, надежды на падение власти, возникавшие с каждым новым наступлением белых армий, не осуществлялись, а создаваемые ею невзгоды росли ежечасно.

Так как в те дни большинство учреждений механически еще продолжало функционировать и буржуазная пресса существовала, испытывавшая уже и тогда всевозможные лишения интеллигенция все же продолжала работать.

Власть еще не могла обойтись без нее, и поэтому брошенных в тюрьмы и расстрелянных среди ученых, писателей и других тогда было сравнительно немного.

Из моих близких были арестованы «за саботаж» мой beau-frère (своjak. – *Примеч. ред.*), профессор Петроградского политехнического института и председатель бывшего Императорского аэроклуба⁹, а позже и его жена, принимавшая деятельное участие в жизни этого учреждения. Ей было предъявлено обвинение в содействии «похищения семи аэропланов», на которых несколько летчиков бежало за границу, но, доказав свою непричастность к этому делу, после недельного пребывания на Гороховой, она была освобождена.

«Весь мир» после взятого на его издание (как было предписано властью) нового разрешения продолжал выходить беспрепятственно. Помещая в нем отражавшие злобы дня, сопровождаемые пояснительным текстом снимки, я была в выборе их очень осторожна. Это помогло мне однажды избежать большой опасности для журнала, не приняв от одного из моих иллюстраторов рисунка с выписанным к нему из газеты текстом:

«Отряд красноармейцев, возвращаясь с реквизированным в деревню хлебом, подвергся нападению вооруженных кольями крестьян. Грузовик, въехавший на подпленный ими зараннее мост, упал, а красноармейцы были перебиты».

Рисунок мне понравился, но опасаясь демонстрацией столь удачного хозяйничанья правительства и отношения к нему крестьян повредить журналу, – я не взяла его, и художник, пошутив, что «редакторы других изданий будут храбрее», направился с ним туда.

Вскоре после этого рисунок действительно появился в «Огоньке»¹¹, но за напечатание его редактор и издатель были арестованы, а журнал закрыт.

В 1918 году, когда начались усиленные реквизиции домашних обстановок и вселения в квартиры, мне впервые пришлось побывать в Смольном.

Во главе жилищного отдела, куда направилась я с просьбой освободить меня как редактора от вторжения в квартиру чужих людей, стоял один из «активно содействовавших революции» матросов.

---

⁹ Впоследствии после ряда мытарств, пребывания в тюрьме, приговора к расстрелу и тому подобное ему удалось бежать за границу, где он находится и доныне, продолжая свою научную деятельность в Праге.

¹⁰ Неясно, о ком идет речь. Многолетним и бессменным председателем Императорского аэроклуба был граф И. В. Стенбок-Фермор (1859–1916). С началом Первой мировой войны Императорский аэроклуб фактически свернул свою деятельность, и сведений об избрании преемника И. В. Стенбок-Фермора нет. Единственным петербургским профессором, игравшим видную роль в развитии российской авиации, а после революции эмигрировавшим в Чехословакию, был А. П. Фандер-Флит (1870–1941), но он с осени 1917 года жил в Харькове, откуда и бежал за границу.

¹¹ Издание журнала «Огонек» началось в 1899 году в Петербурге как приложение к газете «Биржевые ведомости». В дореволюционные годы «Огонек» был одним из популярных российских иллюстрированных журналов. В июне 1918 года журнал «Огонек» был закрыт, а его издатель С. М. Проппер (1853?–1931) эмигрировал в Германию.

Очень грубый и антипатичный по наружности, он встретил меня крайне недружелюбно, молча выслушал мое дело и внимательно просмотрел предъявленные ему номера журнала.

– Вы понимаете, товарищ, – закончила я свое ходатайство, – что для умственной работы необходимы тишина и некоторые удобства.

Окинув меня неприветливым взглядом, матрос ответил:

– Дело не в этом. Мы тоже нуждались во многом в царское время, да на наши просьбы плевали. Я выдам вам бумагу, освобождающую вас от вселения и реквизиции, только потому, что хоть вы и классовый враг, но к народу и в прежнее время относились хорошо.

И заметив мое недоумение, уже приветливее добавил:

– Я ваш журнал всегда читал и ранее и знаю, что вы печатали в нем и нашего брата, кого в других редакциях и на порог не пушали¹². Таким образом, неожиданно для себя я получила то, чего не имели даже многие «партийные», и беспрепятственно пользовалась своей квартирой и обстановкой до самого выезда из России.

Приблизительно в таких же условиях жил в течение революционных лет и автор «Истории искусств», драматург Гнедич, по распоряжению Луначарского оставленный в своем прежнем помещении в качестве «пожизненного хранителя» принадлежавшей ему же ценной библиотеки.

В квартиру известного нововременского критика Буренина были вселены матросы; обстановка осталась нереквизированной, но получаемого от КУБУ (Комитет по улучшению быта писателей и ученых)¹³ пайка он лишился, когда в одной из советских газет появилась статья журналиста Оль д'Ор, негодующего на получение «антисемитом Бурениным» продуктов.

И все же оба эти писателя являлись еще избранниками судьбы: многим, имевшим обширные помещения и «лишнюю» обстановку, пришлось делиться ими с рабочими, а в дальнейшем и с целыми «прикрепляемыми к местам» цыганскими таборами.

Последнее являлось таким ужасом, что, когда в квартиру одного старого профессора прибыли цыгане со множеством осыпанных насекомыми вороватых детей, он предпочел переселиться со своей семьей в нанятую на окраине города комнату.

В марте 1918 года, когда Петрограду грозило наступление немцев, которых теперь все ждали как спасителей, я была призвана вместе с другими «трудоспособными гражданами» рыть окопы.

Пришлось снова хлопотать об освобождении от этой повинности, чего по предъявлении в местном комиссариате бумаги из Смольного мне удалось добиться мгновенно.

От других общественных работ, как очистка улиц и дворов от нечистот, фекалий и т. п., которыми большевики замучивали голодную интеллигенцию, мне удалось освободиться, посылая вместо себя кого-либо другого или откупаясь от этой обязанности врученным управдому куском хлеба.

Но особенно нелепым являлось распоряжение власти назначать на ночные дежурства у ворот вместо дворников поочередно всех обитателей дома, не исключая и женщин.

Мне рассказывала одна знакомая, получившая такое тепличное воспитание, что по вечерам не решалась даже выходить без провожатого на улицу, как ей пришлось однажды на дежурстве защищать ворота от вторжения какого-то «товарища» и, в конце концов, бежать, переполошив своими криками весь дом.

---

¹² Действительно, до революции, я неоднократно помещала во «Всемирном» произведения талантливых начинающих писателей из народа, ставших впоследствии видными советскими литераторами. У меня же начал свою литературную деятельность и прославившийся нынче в СССР Валентин Катаев.

¹³ Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) была создана по инициативе М. Горького в Петрограде в 1920 году, занималась также материальным обеспечением литераторов.

Во избежание таких случаев подобные «стражи» зачастую охранялись мужьями или кем-либо другим из близких или во двор дома подвешивался большой колокол, которым «дежурная» давала знать жильцам об опасности.

IV. Тибетский талисман и нитка жемчуга

Среди петроградцев ходили слухи, что власть умышленно заполняет время населения бесчисленными повинностями и отнимает у него этим последние силы, дабы не дать возможности употребить их на какие-либо выступления против нее. Действительно, большевики не давали покоя никому. Согласно приказу, для обмена паспортов на трудовые книжки¹⁴, граждане обязаны были являться в комиссариат лично.

На этот раз я решила не отговариваться болезнью, и, явившись в местный Совет, мне пришлось стать свидетельницей многих забавных сцен.

Это был, пожалуй, первый от сотворения мира случай, когда еще молодые женщины, дабы избежать трудовой повинности, старались доказать, что они старухи. Для этого заявлялось, что прежний паспорт утрачен во время обыска или грабежа, и выдававшим трудкнижки приходилось только изумляться молодости советских гражданок. Если ложь переходила уже всякие границы, выдача документа откладывалась до наведения справок, не дающих результатов, ибо администрация дома обычно покрывала такой обман.

Но все это осложняло обязанности выдающих новые документы полуграмотных товарищей, заставляя их иногда задавать гражданам анекдотические вопросы.

Предложив мне назвать свою профессию и услышав, что я редактор, меня спросили:

– Грамотная?

Опубликование декрета о сдаче населением государству золота и драгоценных камней меня не беспокоило, так как наиболее ценные, хранимые мной в сейфе предметы уже были реквизированы. При мне оставалось только несколько мелких вещиц и нитка старинного жемчуга, зарытая мной между корнями стоявшей в спальне пальмы.

Но главное, за что я боялась, это был унаследованный мною от прабабушки тибетский талисман, который, к счастью, нельзя было отнести к драгоценностям, так как он был сделан из оксидированного серебра. Согласно оставленным прабабушкой записям, он был получен ею некогда от буддийского монаха, приписывавшего этой вещи свойства мистического значения¹⁵, и являлся уникай¹⁶¹⁷. Я дорожила талисманом больше, чем всеми своими драгоценностями, но, не предполагая, чтобы им могли заинтересоваться солдаты и матросы, считала излишним прятать его, а на всякий случай придумала иной способ оберечь от посягательств. Укоротив цепь, на которой он был надет, я велела спаять ее на себе так, чтобы она не могла быть снята.

Несколько обысков прошло после этого благополучно, талисмана не видели или, заметив, не придавали ему значения. Но однажды во время ночного вторжения в квартиру, когда два солдата занялись в кабинете разборкой книжных шкафов и письменного стола, осматривавший в спальне шифоньерку матрос спросил у меня:

– Золотой цепочки и креста на себе не имеете?

---

¹⁴ В октябре 1918 года Совнарком России издал Декрет о трудовых книжках для нетрудящихся, в котором провозглашалось, что труд является обязанностью граждан и вместо паспортов и удостоверений личности теперь будут использоваться трудовые книжки. Поскольку речь шла о нетрудящихся, в трудовую книжку вносились сведения о выполнении возложенных на «нетрудящийся элемент» общественных работ. Лица, не имеющие трудовых книжки, могли быть оштрафованы на тысячу рублей или подвергнуты тюремному заключению на срок до полугода.

¹⁵ Дает победу в борьбе, безболезненную смерть в глубокой старости и позволяет казаться людям таким, как желательно его носителю.

¹⁶ Желая узнать истинное назначение и происхождение талисмана, я, уже будучи за границей, предъявляла его в восточный отдел парижской колониальной выставки, в музеи разных стран, где имеются специалисты – ученые, востоковеды и антиквары, но никто не мог разрешить интересующих меня вопросов, указывая, что видят такую вещь впервые. Все, что удалось мне услышать, – это что талисман, несомненно, тибетского происхождения и изготовлен, по-видимому, для какого-то особого, неизвестного европейцам таинства.

¹⁷ Уникальная в своем роде вещь, единственный экземпляр.

– Нет.

Увидав, что шея моя окутана, и заподозрив обман, он попросил меня снять шарф.

Пришлось повиноваться.

– А это что у вас? – удивился он, увидав массивную серебряную цепь, на которой был надет зашитый в мех талисман.

– Это не драгоценность, – ответила я, – простой серебряный талисман.

– Снимите.

– Он не снимается – цепь спаяна.

Матрос заинтересовался еще больше.

– Это зачем же?

– Чтоб не потерялся. Он не представляет никакой ценности, но я ношу его из суеверия, – сказала я, делая вид, что не придаю вещи особого значения.

– Разверните.

– Интересная штука, – сказал матрос, с любопытством осматривая талисман. – Я плавал в Японии и в Китае, а таких не видал. Придется вам сдать его, хоть он и не золотой.

– Но он не может считаться драгоценностью и не снимается, – повторила я.

– Ничего, утром я приведу слесаря, а там уже разберут, как с ним быть.

Тогда, увидав, что спасти талисман можно лишь героическим средством, я, понизив голос, сказала:

– Вот что, товарищ, вам эта вещь денег не принесет, а если вы оставите ее мне так, чтобы никто не знал, я взамен предложу вам другую, которую вы можете продать за большую сумму.

Говоря это, я знала, что рискую, ибо, во-первых, матрос мог оказаться некорыстным и арестовать меня за предложение взятки, а затем, я, конечно, не была гарантирована, что, получив ее, он не возьмет талисмана или не заявит о нем в комиссариат.

Однако, оглянувшись на дверь, матрос также пониженным голосом быстро спросил:

– Что же это будет?

Я молча подошла к стоявшему у окна цветку и, выкопав из земли жемчуг, подала матросу.

Он жадно схватил его, еще раз обернулся на дверь и стал рассматривать кольцо. Потом, спрятав жемчуг в карман, кашлянул и нарочито громким голосом спросил:

– А в печах у вас ничего не спрятано, гражданка? Некоторые такими хитростями думают скрыть вещи, а потом еще недовольны, что им отвечать приходится за это.

Обыск закончился на рассвете, а в восемь часов я была уже у слесаря. Разрезав цепь, я поехала на дачу, где закопала талисман в саду, неподалеку от зарытого там же кортика мужа.

Матроса я больше не видела, и в комиссариат он не донес, по-видимому, удовольствовавшись взяткой.

V. «Террор испытали бы на собственной шкуре»

В начале лета (1918. – *Примеч. ред.*) я получила из Смольного предписание доставлять журнал для просмотра комиссару печати, агитации и пропаганды лично. Комиссаром в те дни был Володарский, и имя этого, еще совсем молодого человека, прославившегося своей жестокостью и ненавистью к прежнему строю, пользовалось в Петрограде не меньшей популярностью, чем имя Ленина.

В партийных кругах причиной этой популярности являлось умение митинговыми речами и погромными статьями в «Красной газете»¹⁸ (первым редактором которой он состоял) толкать матросов и солдат на самые зверские расправы с офицерством и другими идейными врагами, а среди обывателей – его бесчисленные любовные похождения.

Большевики называли его «гениальным оратором»; в действительности же он не был красноречив, но говорил с большим пафосом, вызванным той же ненавистью к прошлому.

Так как обычно журнал после моей подписи отправлялся в Смольный типографией, новое распоряжение показалось мне странным, но отчасти и порадовало: я решила воспользоваться случаем заговорить с комиссаром об одной из его митинговых речей и указать на недопустимость террора и гонения на интеллигенцию.

Поступить так я считала себя обязанной как руководительница боровшегося с жестокостью общества, действия которого, как и всех других, были приостановлены, но которое нелегально продолжало функционировать.

Явившись в Смольный и пройдя в кабинет комиссара, я увидела за столом элегантно одетого молодого человека с нервным до болезненности лицом. Встретил он меня крайне сурово, но, перелистав журнал, сказал:

– Сработано чисто, придаться не к чему, а все-таки, – уже улыбаясь добавил он, – от закрытия вас спасает только финское издательство¹⁹. Случай заговорить на интересующую меня тему представился скорее, чем я ожидала, и я поторопилась воспользоваться им...

– Разрешите, комиссар, сказать вам несколько слов?.. Быть откровенной? – спросила я. Володарский окинул меня быстрым, удивленным взглядом.

– В чем дело?..

Упомянув о том, что я не однажды слышала на митингах его речи и читала фельетоны, вооружающие народ против военных и интеллигенции, я стала говорить о невозможности построить без них «новый мир», о том, что террор компрометирует идею социализма, может вызвать бесконечную гражданскую войну и т. п.

– От вас зависит многое, – закончила я, – прекратите эту травлю в печати, эти вызываемые ею бесцельные убийства – и вы увидите благие результаты этого очень быстро.

Володарский выслушал мою речь не прерывая, внимательно и с любопытством на меня глядя.

– Да, – сказал он, – результаты этого мы бы, действительно, испытали быстро, только на собственной шкуре. Мне бы, конечно, не следовало разговаривать с вами об этом, но я отвечу вам, потому что вы искренни. Не только враждебные нам военные круги, но даже либеральная, способствовавшая углублению революции интеллигенция является для нас обузой, с которой мы, к сожалению, временно вынуждены мириться. Старую идеологию из вас можно выкурить только пороховым дымом, что мы делали и будем делать до победного конца, то есть до миро-

---

¹⁸ Печатный орган Петроградского комитета партии большевиков и Петросовета, основан в январе 1918 года В. Володарским. «Красная газета» выходила до 1939 года, а затем была объединена с «Ленинградской правдой».

¹⁹ «Весь мир» издавался финским акционерным обществом «Слово», а финские граждане и их имущество находились тогда под защитой германского консула.

вой революции. Нам нужны дети, молодежь и рабочие. Первых двух мы воспитаем в ненависти к капиталистическому строю и ко всей его лицемерной морали, вторые идут и будут идти за нами, потому что им это выгодно. Что касается террора, то вы рассуждаете о нем как женщина, притом враждебного нам класса. Революционные здания склеиваются кровью, а не розовой водицей, в которой мы, как и наши предшественники, в два счета утонули бы вместе с нашей революцией.

– Но, значит, и примкнувшие к вам идейно только потому, что воспитывались согласно «другой идеологии», рано или поздно все же не избегнут участи ваших врагов? – ошеломленная словами комиссара, спросила я.

– Революция требует жертв, – уклончиво ответил он, – и мы обязаны действовать в ее интересах.

– А что подумает о таких «жертвоприношениях» Европа?

– Ну с этой мы, когда понадобится, поладим. Несколько подачек быстро зажмут ей рот, – презрительно ответил Володарский, вставая и этим показывая, что аудиенция кончена.

Однако с этих пор каждый раз, когда я представляла ему журнал, он, просматривая его, уже сам заговаривал на затронутую мной в первое свидание тему, иронически указывая, что, вероятно, я на месте власти «с миром отпускала бы восстающих против нового строя врагов, для продолжения их деятельности».

Во время одного из таких разговоров, убедившись, что я все же продолжаю оставаться относительно террора при своем прежнем мнении, он шутливо сказал:

– Как это вы, при ваших взглядах и смелости (которую он, по-видимому, усмотрел в том, что я «дерзнула» заговорить с ним о терроре), – не устроили досих пор белогвардейского заговора?

– Если вы не измените вашей тактики, может быть, это еще впереди, – ответила я в тон ему.

– Ну, не советую вам даже думать об этом, – возразил Володарский с угрозой, – вам известно, как расправляемся мы с нашими врагами, какой бы невинной личиной они ни прикрывались.

В другой раз, просматривая привезенные мной в гранках статью и номер «Всего мира», в котором в числе других были снимки с каких-то старинных картин, он вдруг спросил:

– Мне говорили, что у вас есть картина Рубенса?

– Да, но является ли она оригиналом, это еще не установлено, – ответила я, встревоженная вопросом.

– Тогда надо это установить и реквизировать ее у вас для одного из коммунальных музеев.

– Но мне заведующей жилищным отделом выдал удостоверение, что как работник умственного труда я освобождаюсь от реквизиций.

– Мало ли какие ошибки делают еще наши товарищи по неопытности. Наша обязанность исправлять их.

И, вручая мне номер, добавил:

– А со статьей я хочу ознакомиться подробнее и поэтому оставляю ее у себя дня на два.

– Когда можно прислать за ней?

– Послезавтра около девяти вечера я буду проезжать мимо вашего дома в редакцию «Красной газеты» и завезу ее вам. Кстати, лично посмотрю на Рубенса и так ли худо живется в коммуне буржуазным писателям, как об этом кричат наши враги.

– Вы получите ложное представление об условиях их жизни. Ведь только я по причинам, о которых вы можете справиться у того же заведующего жилищным отделом, освобождена от реквизиции и вселения.

– Причины эти мне давно известны, – улыбнулся комиссар, – и если бы я не знал о них, не стал бы и разговаривать с вами.

И заметив мое смущение, со свойственной коммунистам подозрительностью, поняв его иначе, чем следовало, добавил:

– Только имейте в виду, если со мной что-нибудь случится у вас на квартире при входе в ваш дом или выходе из него, вы ответите за это по всей строгости революционного времени.

– Но ведь не я приглашаю вас заехать ко мне, – возмутилась я. – Я не могу ручаться за ваших активных врагов, которых, как вам известно, у вас достаточное количество. Назначьте час, и я пришлю к вам за статьей человека.

– Послезавтра к девяти я буду у вас. А то, что я сказал, вы все-таки запомните и почаще повторяйте вашим единомышленникам, которых ужасает террор.

В день приезда Володарского, считая картину обреченной, я была в очень подавленном настроении. Днем у меня происходил тщательный обыск, продлившийся на этот раз почти до вечера, и я никак не могла погасить в душе чувство бессильной злобы, что вопреки своей воле вынуждена буду принимать у себя убийцу.

Пока мы встречались в официальной обстановке и он являлся объектом моих наблюдений, свидания с ним не были мне так неприятны, да и помимо этого кто мог поручиться за случайность, когда этот моральный виновник бесчисленных убийств был ненавидим населением Петрограда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.